

УДК 130.2

**Т. Э. Рагозина**

(д. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: [tatyana.ragozina@list.ru](mailto:tatyana.ragozina@list.ru)

## **ЕЩЁ РАЗ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗА**

***Аннотация.** Предлагаемая статья посвящена анализу причин кризисной ситуации, сложившейся в марксистской философии советского периода к 80-м годам XX века и проявившейся в виде противоречий трудовой теории антропосоциокультурогенеза. Наметившаяся в рамках философского мышления тенденция отказа от труда как базового философского принципа объяснения общественно-исторического развития остро поставила в повестку дня вопрос о действительном содержании категории «труд» в марксизме и о необходимости философского обоснования труда как теоретического принципа.*

***Ключевые слова:** труд как субстанция исторического развития, «труд вообще», экономическое обоснование труда, философское обоснование труда.*

В истории философской мысли существует немало фундаментальных проблем, которые красной нитью проходят через несколько столетий, нисколько не теряя своей значимости даже тогда, когда от них пытаются отмахнуться в угоду новым модным веяниям эпохи. Такого рода проблемы постоянно напоминают о себе нерешённостью тех задач, над которыми тщетно бьётся современность.

К числу именно таких проблем относится *философское обоснование роли труда как субстанции-субъекта истории* (истории становления и развития человека, общества и культуры) – проблема, которая в качестве философского кредо хотя и была заявлена и поставлена марксизмом, но по ряду причин по сей день не получила развёрнутого теоретического обоснования.

В связи с этим, резонно встаёт ряд вопросов, очерчивающих содержание задач, касающихся необходимости осознания того, *что* собой представляет в теоретическом отношении сложившееся за годы *после Маркса* понимание труда, нашедшее воплощение в об-

ширной философской литературе. Это – та часть (плоскость) единого целостного анализа означенной выше проблемы поиска субстанциального начала общественной истории, которую условно можно было бы назвать «сведением счётов с недавним философским прошлым».

Такое сведение счётов с нашим недавним философским прошлым необходимо для осмысления и выявления причин (методологического и мировоззренческого свойства), не позволивших «философскому открытию труда» превратиться в широко используемый действенный инструмент исследования человеческого общества, его истории и культуры. И, наконец, самое главное и интригующее: в чём суть собственно *философского обоснования труда* в отличие от обоснования, сложившегося в исследовательской литературе на сегодняшний день? Ответы на поставленные выше вопросы предполагают анализ и преодоление некоторых укоренившихся стереотипных взглядов на труд – взглядов, приобретших силу предрассудков и потому заслуживающих быть подвергнутыми критике.

Первый и самый, пожалуй, массовый стереотип в отношении понимания труда как основы общества и истории, призванного объяснить *начало* человеческой истории, связан с представлением о труде как *орудийной деятельности* или, если брать шире, – с представлением о *труде вообще* как процессе, производящем *вещи*: «Труд... - пишет один из ведущих исследователей этой проблемы М. Б. Туровский, - есть сама деятельность по изготовлению вещей, служащих для удовлетворения человеческих потребностей» [1, с. 78].

Благодаря такой интерпретации труда, ставившей во главу угла его чувственно-предметный характер, обусловленный тем, что он есть *деятельность, производящая вещи*, действительное содержание труда как основы общества и истории оказывалось усечённым до объёма одной из его сторон, одной из особенных форм его существования, представленной известной всем категориальной схемой «цель – средство – результат». Именно анализ данной схемы, принимавший у разных авторов вид различных сочетаний между собой структурных элементов «*труда вообще*», некритически воспринимался ими как философское обоснование субстанциальной роли труда – *быть реальной основой общества и истории*.

Такой взгляд на труд всегда подкреплялся соответствующими ссылками на многочисленные места в «Экономических рукописях 1857-1861гг.» и «Капитале». При этом многие авторы даже не пытались ставить вопрос о специфике *философского понимания* труда в отличие от его *политэкономической трактовки*, как и в целом – о специфике взглядов, развиваемых Марксом-экономистом и Марксом-философом.

Вместе с тем, указанное рассмотрение труда по определению не могло привести к его обоснованию в качестве *начала и всеобщей основы* человеческого общества и истории хотя бы потому, что категориальная структура «цель – средство – результат» была выработана философской и политэкономической мыслью эпохи Просвещения (каждой из них – для своих специфических нужд) в качестве формулы, отражающей механизм *индивидуальной деятельности человека*<sup>4</sup> и потому задающей исключительно *антропоморфный*, а не *социоморфный* взгляд на историю, в силу чего она не может служить объяснением происхождения такого феномена, как *общество*. Это – во-1-х.

Во-2-х, эта формула орудийной деятельности как *труда вообще*, содержащего в своей структуре *цель* в качестве необходимого компонента своего функционирования, *уже* предполагает наличие *готового* человека с *готовым* сознанием, – человека, *уже* способного отличать себя от природы и противопоставлять себя окружающему миру. Такая точка зрения, сводившая труд к *орудийной деятельности индивида*, структурно представленной схемой «цель – средство – результат», вопреки своим исходным установкам – объяснить происхождение человека с его сознанием из труда как основы, их порождающей, – делала проблему антропогенеза принципиально неразрешимой логической коллизией, обрекая философскую мысль на вечное вращение внутри замкнутого круга. В этом отношении весьма показательна и статья Д. В. Гурьева с ха-

---

<sup>4</sup> Поскольку ранее, в связи с анализом *деятельностного подхода*, нам уже доводилось высказываться о концептуальных границах категориальной структуры «цель – средство – результат», постольку мы отсылаем читателя к нашей статье «Концептуальные границы деятельностного подхода: критический анализ» (См.: [2]).

рактерным названием «Предшествовал ли труд сознанию?» (См.: ж. «Вопросы философии», 1967, № 2 [3]).

Эту общую всем философам послемарксовского периода точку зрения высказывает в своей статье «Труд» А. Г. Спиркин: «Цель предваряет во времени и регулирует сам процесс труда» [4, с. 262], - пишет Спиркин, подкрепляя этот взгляд знаменитой цитатой из «Капитала» о пчеле и архитекторе. Как ни крути, а получалось, что философское сообщество, чем белее педантично оно старалось следовать положениям классиков, тем прочнее загоняло себя в тупик, оказавшись в котором оно, наконец, вынуждено было обескураженно задать самому себе вопрос: «так кто же кого создал: труд – сознание или сознание – труд?»

Никакие терминологические ухищрения, никакие заклинания в виде многократно повторяемой сакраментальной энгельсовской фразы «Труд создал самого человека...», никакие упования на магическую силу цитат классиков не могли устранить этот порочный круг: труд как *предпосылка*, с помощью которой требовалось объяснить происхождение сознания как некоего *результата*, уже содержал в себе сознание в качестве готового структурного элемента. Или, иначе: сознание как *результат* и *следствие*, которое только ещё должно было быть выведено из труда как *предпосылки* и *условия* его возникновения, само в качестве структурного элемента оказывалось необходимым *условием* и *предпосылкой*, обуславливающей возможность осуществления труда. Зайдя таким образом окончательно в тупик, данное направление философских поисков не нашло ничего лучше, как просто отбросить за ненужностью эту проблематику, переключив свою «животрепещущую заинтересованность» на другие проблемы.

В связи с этим, напрашивается ряд вопросов принципиально характера: почему авторы, пытавшиеся строить философское обоснование основополагающей роли труда как фактора антропосоциокультурогенеза в полном, казалось бы, соответствии с характеристиками, даваемыми труду Марксом, тем не менее, всегда неизбежно оказывались в логическом тупике? Является ли вообще такое обоснование (представленное анализом «труда вообще» и его категориальной схемы «цель – средство – результат») *философским* или за философское обоснование долгие десятилетия неправомерно принималось нечто совсем иное, например – его *политэкономическое* обоснование, развитое и представленное клас-

сиками буржуазной экономической мысли, всесторонне рассмотренное К. Марксом в «Капитале», в итоге подвергнутое им критике и преодоленное в составе более глубокой системы взглядов на труд? Если так, то не вела ли подобная некритическая позиция к понятийной инверсии и, как следствие, к утрате *послемарксовской философской мыслью* своего действительного, собственно философского аспекта исследования труда? Не в этом ли состоял камень преткновения? Чтобы ответить на возникшие вопросы, необходимо выяснить следующее: что именно представляет собой в содержательном плане категория «труд вообще», чьи характеристики, свёрнутые в формуле «цель – средство – результат», чаще всего использовались авторами, мнившими, что они воссоздают *Марксову философскую позицию* по этому вопросу? В частности, откуда и как появляется в научном словаре Маркса категория «труд вообще», каково её предназначение и границы применимости? (По этому вопросу подробно См.: [5, с. 20-35]).

Если коротко сформулировать суть отличий *философской категории* «труд» от «труда» как *политэкономической категории*, то это будет выглядеть так. Труд, *рассматриваемый экономически*, то есть, исключительно с точки зрения своей *натурально-вещественной формы* и чисто *количественных* параметров (как мера стоимости) – вот то действительное содержание абстракции «труд вообще», которое свёрнуто в формуле «цель – средство – результат» и которое задаёт её концептуальные границы и возможности. А это значит, что формула «цель – средство – результат», в которой свёрнуты *количественные* характеристики труда как *процесса, производящего вещи* (потребительные стоимости), не может быть *ключом* к пониманию труда как *процесса, производящего общество – форму связи* людей друг с другом, которая, во-1-х, по самой своей сути всегда есть носитель *качества (формы социально-сти)* и которая, во-2-х, поэтому не содержит в себе *ни грана вещества природы*.

Иными словами, труд, производящий *вещи (потребительные стоимости)*, и труд, производящий *общество* – таково в общих чертах отличие труда как предмета политэкономического исследования в рамках классической буржуазной экономической науки от него же самого как объекта философского анализа в рамках материалистического понимания истории.

\*\*\*

Если теперь вновь обратиться к *постмарксовской* трудовой теории антропосоциокультурогенеза, то легко увидеть, что тупиковая ситуация, окончательно сложившаяся к 80-м годам XX века в советской школе марксизма, в плане логики представляет собой прямую параллель с теми логическими коллизиями, которые были свойственны трудовой теории стоимости Рикардо, с теми неразрешимыми противоречиями, в которых она запуталась и которые стали началом её разложения.

Именно это обстоятельство обязывает нас ещё раз внимательно присмотреться к сути тех противоречий и породивших их причин, которые оказались роковыми для *постмарксовской* версии трудовой теории сознания (равно как и трудовой теории культуры), с тем чтобы попытаться понять следующее:

(а) в плену каких старых представлений находились советские философы, делавшие при обосновании труда как основы общества и культуры ставку на анализ *орудийной деятельности*?

(б) какого рода противоречия они, хотя и неосознанно, но абсолютно неизбежно воспроизводили в связи с этим в рамках марксистской философии истории;

(в) чем в сложившейся ситуации нам могут быть полезны и поучительны Марксов анализ противоречий трудовой теории стоимости и найденный им способ их решения <sup>5</sup>?

(г) наконец, какую научную ценность в связи с этим имеют теоретические разъяснения позиции Маркса, которые в предельно сжатом и концентрированном виде были даны по этому поводу Ф. Энгельсом в «Предисловии» ко 2-му тому «Капитала».

Начнём с того, какой поучительный урок вытекает из приведённого Энгельсом анализа причин возникновения противоречия между классической теорией стоимости и реальным положением

---

<sup>5</sup> Если обращение к истории науки и конкретному опыту преодоления кризисной ситуации, возникшей внутри экономической науки, поможет нам хотя бы понять, симптомом каких методологических ошибок являются существующие сегодня противоречия современной философской теории сознания и теории культуры, то это будет большим шагом вперёд на пути поиска средств разрешения теоретических противоречий.

вещей, каким оно представало на поверхности событий, рождая представление о невозможности «согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом»?

Что конкретно имел в виду Энгельс, говоря об этой кризисной ситуации в науке, что «В таком понимании вопрос действительно неразрешим» [6, с. 23]? Какое «такое понимание» исключало возможность с помощью *закона стоимости* дать научно-теоретическое объяснение всего процесса капиталистического производства, или, иными словами – обосновать стоимость как субстанцию всех без исключения экономических явлений буржуазного общества? – Понимание всеобщего закона как *непосредственно совпадающего* с наличными экономическими формами. Понимание, пытающееся прямо и непосредственно «подогнать» особенное и единичное под всеобщее, отождествить ту или иную особенную форму, в которой существуют экономические явления буржуазного общества, подчиняющиеся всеобщему закону стоимости, с законом стоимости как таковым. Или, что то же самое, – прямо и непосредственно проецировать, накладывая *всеобщее понятие* стоимости (в основе которого лежала абстракция «труд вообще») на её частные и особенные формы наличного существования, характерные для буржуазной экономики.

Весьма показательно, что ещё раньше (в 1861-1863 гг.) по этому же самому поводу Маркс, описывая в «Теориях прибавочной стоимости» неудачные попытки вульгарных экономистов разрешить противоречия рикардовской системы, констатирует аналогичный порок: «Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями здесь хотят разрешить не путём нахождения посредствующих звеньев, а путём прямого подведения конкретного под абстрактное и путём непосредственного приспособления конкретного к абстрактному. И этого хотят достигнуть с помощью *словесной фикции*, путём изменения *vera rerum vocabula* \* . (Перед нами, действительно, «спор о словах», но он является спором «о словах» потому, что реальные противоречия, не получившие реального разрешения, здесь пытаются разрешить с помощью фраз.)» [7, с. 85].

Поразительно, но ведь именно такую же логическую процедуру некритически прodelывала в отношении труда как всеобщей

основы истории общества и культуры (включая человека и его сознание) на протяжении полутора столетий марксистская философская мысль *после Маркса*, когда она буквально-таки отождествляла орудийную деятельность с понятием труда как всеобщей социальной основы общества и истории, непосредственно "подгоняя" одно под другое и накладывая понятие труда как *всеобщей формы социальной связи индивидов* на одну из *частных и особенных форм* его существования – на *орудийную деятельность*. Симптомом такого некритического отождествления является то, что даже само название «орудийная деятельность», как правило, и использовалось для обозначения всеобщей, исходной формы труда, то есть – для обозначения «начала» человеческой истории.

В данном случае чрезвычайно важно осознать, показателем чего на самом деле служит такого рода ситуация, когда исследователь, не сумев отделить всеобщую форму исследуемого предмета от его частных и особенных форм, отождествив всеобщее с особенным, начинает названием какой-либо одной из частных форм именовать всеобщую форму.

Здесь опять-таки буквально напрашивается прямая параллель между способом решения проблемы, которым пользовались марксистские философы на протяжении всего XX в. (а также в начале XXI века) для обоснования труда в качестве всеобщей социальной основы человеческой истории, и теми процедурами мышления, которые были свойственны вульгарно-экономической науке (а также отчасти и классикам буржуазной экономики) первой половины XIX в. и которые выражались в том, что они при исследовании прибавочной стоимости не выделяли её как самостоятельную форму, всякий раз отождествляя прибавочную стоимость *как таковую* (т.е. – как всеобщую форму) с какой-либо её частной, особенной и производной от неё превращённой формой, как это имело место, например, у А. Смита, который «...прибавочную стоимость как таковую ... не отделил, в виде особой категории, от тех особенных форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте» [8, с. 56].

Приводя обширные выписки и цитаты из экономических рукописей Маркса 1861-1863 гг., составивших содержание «Теорий прибавочной стоимости» и вошедших в четвёртый том «Капитала», Энгельс показывает, что аналогичным образом обстояли дела и у Рикардо, для которого было характерно «смешение прибавочной



стоимости и прибыли»; и у вульгарного экономиста Родбертуса, который «...окрестил прибавочную стоимость именем одной из её превращённых подчинённых форм: ренть»; и у неизвестного автора экономического памфлета 1821 года, которого очень высоко оценил Маркс, сказав, что тот «стоит выше Рикардо», хотя при этом так же, как и Рикардо, смешивает прибавочную стоимость, но, правда, уже с другой производной от неё превращённой формой, называя «...прибавочную стоимость процентом на капитал» [6, с. 17].

Почему в методологическом плане совсем небезобидно, когда исследователь – будь то философ-марксист, пытающийся в XX веке обосновать труд как основу истории общества и культуры, будь то экономист-классик или, на худой конец, вульгарный экономист первой половины XIX века, желающий постичь природу прибавочной стоимости, – смешивает и отождествляет онтологически разные формы бытия предмета (всеобщую форму с особенной и частной формой), когда он «...название одной из этих особенных форм... принимает как название общей формы» [6, с. 17]? Чем это чревато и о чём это может свидетельствовать? Какие пороки и ошибки методологического свойства кроются за указанной процедурой смешения и отождествления онтологически разных форм бытия предмета?

В прямой связи с описанной теоретической ситуацией Энгельс в качестве вывода, обобщающего все эти случаи, приводит не подлежащий обжалованию ни при каких условиях вердикт Маркса относительно такого способа теоретизирования: «...название одной из этих особенных форм... он опять-таки принимает как название общей формы. А этого достаточно, чтобы снова впасть в экономическую тарабарщину» [6, с. 17]. Если при этом принять во внимание абсолютно аналогичную ситуацию, сложившуюся внутри философии в XX веке, а именно: ситуацию отождествления всеобщей формы труда как основы общества и истории с орудийной деятельностью как его частной формой, то ничего удивительного не будет в том, что в качестве закономерного результата такого смешения онтологически разных форм мы с необходимостью получили ровно такую же в плане логики теоретическую *тарабарщину*, только *философскую*.

Вот она, роковая ошибка, всякий раз неизбежно порождающая теоретическую тарабарщину и приводящая к появлению противоречий внутри теории, когда исследователь, смешав и отождествив всеобщую форму предмета с какими-либо её частными и особенными формами, искренне приняв их за форму всеобщности, вдруг обнаруживает к своему великому удивлению тотальное несоответствие и несовпадение свойств этих наличных форм действительности с всеобщим законом их существования. Соответственно, вывод, который делает такой исследователь из факта несовпадения всеобщего закона с формами его внешнего обнаружения, состоит в необходимости поиска другого объяснительного принципа и в отказе от данной теории ввиду того, что ей-де "противоречат факты действительности", в то время как на самом деле причина кроется в его собственном односторонне-метафизическом, вульгарно-обыденном способе мышления, в его ограниченном понимании всеобщего закона.

Только что описанный способ теоретизирования, основывающийся на некритическом (и потому совершенно неосознаваемом самим исследователем) смешении онтологически разных форм существования исследуемого предмета, когда всеобщая форма отождествляется с какой-либо частной и особенной его формой, равно как и та «тарабарщина», к которой неизбежно приводит такой ограниченный способ теоретизирования, – оба эти недостатка в свою очередь являются показателем и бесспорным свидетельством наличия в исследовании ещё одного важнейшего (латентно присутствующего в теории) методологического «промаха» (Ф. Энгельс), порождающего внутренние противоречия. О каком же конкретно «промахе», совершенно неосознаваемом самим теоретиком, но при этом определяющем его понимание сути вещей, идёт речь в данном случае?

Согласно всё тому же вердикту Маркса, который он в обобщённой форме выносит всем методологическим просчётам, свойственным трудовым теориям А. Смита и Д. Рикардо, равно как и взглядам упомянутого выше неизвестного автора экономического Памфлета, появившегося в 1821 г., суть дела кроется в следующем: такой способ теоретизирования и сопутствующая ему экономическая тарабарщина (внутренние противоречия теории) являются бесспорным свидетельством того, что теоретик «... остаётся в пле-

ну тех экономических категорий, которые он нашёл у своих предшественников» [6, с. 17].

И здесь опять-таки весьма показательны то, с каким единодушием Энгельс, полностью солидаризируясь в данном вопросе с Марксом, выносит точно такой же приговор Родбертусу, критический анализ взглядов которого был предпринят Энгельсом уже после смерти Маркса: «Это последнее замечание, - пишет Энгельс, - целиком и полностью относится к нашему Родбертусу. И он остаётся в плену тех экономических категорий, которые он нашёл у своих предшественников», ибо и он, смешав всеобщую форму прибавочной стоимости с её особенной формой, «...окрестил прибавочную стоимость именем одной из её превращённых подчинённых форм: ренты...», и потому у него точно так же «результатом этих двух промахов, - пишет Энгельс, - было то, что он снова впадает в экономическую тарабарщину» [6, с. 17].

Вот тот, солидарно вынесенный классиками марксизма, беспристрастный приговор, который, будучи основан на *общелогической закономерности* развития научно-теоретического знания, абсолютно справедлив поэтому также и в отношении ситуации, сложившейся в философии *после Маркса* вокруг проблемы обоснования труда как субстанции общественно-исторического развития. И как бы болезненно он ни был воспринят современной философской общественностью в целом или отдельными её представителями, его всестороннее осмысление является тем абсолютно необходимым условием, без которого дальнейшее развитие философской мысли – материалистического понимания истории – не продвинется ни на шаг, продолжая упираться в уже возникшие неразрешимые внутри-теоретические противоречия и порождая одну за другой вульгарные версии антропосоциокультурогенеза как верный признак начавшегося разложения теории.

Отсюда – продиктованная объективными закономерностями развития теоретического познания *необходимость критического анализа* содержания всех без исключения базовых категорий, выработанных предшествующей философской мыслью. «Сведение теоретических счётов» со своими предшественниками – это не прихоть какого-то одного мыслителя, а непреложный закон развития мысли, который, согласно рекомендациям Энгельса (и Маркса),

следует взять на вооружение исследователю в качестве методологического урока.

Поскольку рассмотренный способ теоретизирования, равно как и связанные с ним «промахи», были характерны не только для прежних экономистов, но в равной степени свойственны также современным философам-марксистам, занимающимся проблемами антропосоциокультурогенеза, постольку приходится признать факт, что и они точно также по сей день находятся в плену старых философских категорий, которые они нашли у своих предшественников. Вопрос стало быть в том, в плену каких именно категорий и каких именно предшественников находилась философская мысль советского периода.

И в самом деле. Философская мысль *после Маркса* пыталась, с одной стороны, обосновать (и совершенно на законных основаниях) *труд как всеобщую субстанцию*, обуславливающую развитие человеческого общества, его сознание и культуру; с другой стороны – когда заходила речь о происхождении сознания, о его *порождении трудом*, она всякий раз отождествляла исходную всеобщую форму труда как процесса *производства формы общественной связи индивидов* с его частной и особенной (а потому производной, вторичной и подчинённой) формой – *орудийной деятельностью*, из анализа которой она безуспешно пыталась вывести такой продукт общественной жизни, как сознание. И всякий раз в силу этого терпела поражение, оказываясь в тупике и буквально упираясь лбом в неразрешимое противоречие между теорией и фактами действительности.

Труду как всеобщему закону исторического развития общества и культуры, труду как объяснительному принципу материалистического понимания истории, согласно которому сознание есть продукт, производный от труда, противоречили "факты действительности", доставляемые обыденному сознанию на каждом шагу его же, труда, собственными наличными формами существования, начиная от примитивных форм деятельности по изготовлению орудий труда и заканчивая утончёнными формами художественного творчества и рафинированными формами научно-теоретической деятельности. Как ни крути, все они являли собой живое, наглядное опровержение главного принципа материалистического понимания истории, утверждая всем своим естеством, всей своей плотью и кровью нечто прямо противоположное ему, а именно:

---

*цель / сознание всегда предшествует* реальному акту трудовой деятельности.

Иными словами, ошибка практически всех исследователей труда состояла в том, что они, рассматривали труд не со стороны его исходной всеобщей формы, а брали его в его превращённой и производной форме – как орудийную деятельность, анализ которой ни при каких обстоятельствах не способен выявить *источник происхождения формы целесообразности как таковой*. Напротив, такой анализ всякий раз натывался на целесообразный характер орудийной деятельности как на *готовую форму*, предшествующую акту изготовления орудия труда.

В связи с этим необходимо указать ещё на один поучительный урок методологического свойства, который демонстрирует подход Маркса к анализу кризисной ситуации в науке. Он может быть сформулирован следующим образом: сущность и качественную специфику любого саморазвивающегося общественного целого можно «схватить» и выразить в движении теоретических понятий только в том случае, если мы среди множества фактов и явлений, относящихся к действительному существованию и функционированию этого общественного целого сможем найти такой факт, который представляет собой его исходную, *зародышевую форму* существования (как в случае с *рабочей силой*), которая и даст нам в руки ключ к пониманию всего общественного организма.

Аналогичным образом обстояли дела и с понятием «деятельность» (*деятельность вообще*). Стоит ли говорить, что так называемый «деятельностный подход» к пониманию культуры, получивший с 60-х годов XX века широкое распространение после известных работ Г. С. Батищева, подход, центральным стержнем которого было понятие *деятельности* («деятельности вообще»), призванное объяснить происхождение и сущность *культуры*, является, по сравнению с абстракцией «труд вообще», лишь другим названием для обозначения той же самой *деятельности индивида как разумного существа*, содержание которой, представленное категориальной структурой «цель – средство – результат», со времён Просвещения как раз и было воплощено в экономической категории «труд вообще», которая позже, уже в рамках марксистской философии советского периода, как раз и использовалась для объяснения происхождения *общества* (и человека с его сознанием), породив внут-

ренние противоречия теории антропосоциогенеза и загнав ситуацию в тупик.

В связи с этим, стоит ли отдельно говорить о том, что понятие «деятельность вообще» разделяет с абстракцией «труд вообще» все пороки и недостатки последней, порождая те же самые внутренние противоречия, что и попытки объяснить происхождение человеческого сознания посредством понятия «труд вообще». Это лишний раз убеждает в том, что, во-1-х, проблема происхождения человека, общества и культуры – это одна и та же проблема и, во-2-х, что она не может быть решена посредством «спора о словах», а именно: что лучше подходит для объяснения происхождения культуры – абстракция «труд вообще» или абстракция «деятельность вообще».

Это как раз и есть тот самый случай, когда, согласно едкому замечанию Маркса, решения проблемы хотят «... достигнуть с помощью *словесной фикции*, путём изменения *vera gerum vocabula*», то есть когда «...реальные противоречия, не получившие реального разрешения, ... пытаются разрешить с помощью фраз» [7, с. 85].

Таким образом, резюме, к которому предсказуемо должны были прийти и пришли вульгарно-философские версии антропосоциокультурогенеза <sup>6</sup>, возникшие в качестве реакции на трудности и противоречия марксистской философской мысли *после Маркса* и которые ознаменовали собой начало разложения марксистской школы, гласило: либо сознание вообще первично, и тогда материализм несостоятелен как философская теория истории, либо, если всё же пытаться отстаивать материалистическую точку зрения (ведь на дворе ХХ-й век), то в качестве основы человеческого об-

---

<sup>6</sup> Имеются в виду такие версии происхождения человеческого сознания, общества и культуры, получившие широкое хождение в том числе на платформе постмарксовской / постсоветской философии, как этологическая концепция К. Лоренца, эволюционная эпистемология Г. Фоллмера или, наконец, та же теория личностного монизма истории М.Б. Туrowsкого и проч., воспроизводящие старые предрассудки XVIII века и реставрирующие натурализм, вульгарно-физиологический и биологизаторский подходы к объяснению сущности человеческого сознания и познания, а также точку зрения «обособленного одиночки» со всеми вытекающими из неё антропоморфными представлениями о формах и механизмах культурно-исторической преемственности.

щества и истории следует признать вовсе не труд, не общественное производство, а какой-либо другой, а ещё лучше – *несколько разных других* факторов (и вовсе не обязательно *материальных*), существующих вместе и наряду друг с другом.

В этом торжестве методологического плюрализма как осознанном приёме эклектического мышления собственно и заключается вульгарный характер современной философии вообще и попмарксизма – в частности. И нет ничего удивительного в том, что в такие периоды разносчики вульгарной философии всегда спешат первыми примерить на себя одежды новомодных учений и, дабы придать себе лоск научной респектабельности, возводят своё философское отступничество в ранг высшей добродетели, именуя это переходом в "новую парадигму", в то время как на самом деле они продолжают оставаться в плену философских категорий своих предшественников, в плену предрассудков старого материализма.

\*\*\*

Фрагменты рассмотренных работ К. Маркса и Ф. Энгельса содержат ряд принципиальных положений, фиксирующих общие закономерности развития всякого теоретического знания и дающих указания относительно характера задач, встающих перед любой теорией в ситуации, когда она сталкивается с фактами, противоречащими её главному объяснительному принципу.

Речь идёт о ситуации, которую в современной *философии науки* принято называть «научной революцией» и которая, действительно, может стать началом распада действующей теории (как это и произошло со школой Рикардо, столкнувшейся с фактами, противоречащими *закону стоимости*) и одновременно обернуться «точкой роста» данного научного знания в составе новой, более развитой теории, которая в «снятом виде» включает в свой состав высшие достижения предшествующей мысли (как это имело место в теории прибавочной стоимости К. Маркса), которая вместо того, чтобы полностью отказаться от вошедшего в противоречие с фактами действительности принципа старой теории, дала его новое, более глубокое обоснование и развитие, осуществив затем с его помощью критику самих этих "фактов действительности" и революционизировав всю систему политической экономии.

Как видим, реальное развитие научно-теоретического знания, вопреки утверждениям адептов современной философии науки (в

которой есть всё, *кроме философии*), осуществляется отнюдь не по рецептам и схемам позитивизма (неважно, является ли он *нео-* или *пост*позитивизмом).

Именно потому, что Маркс не только не отбросил принцип определения стоимости трудом, но, подвергнув его критическому анализу, развил новое, более глубокое понимание того же самого *принципа труда*, предоставив вместо его опровержения его всестороннее теоретическое обоснование, именно поэтому старое понимание принципа определения стоимости трудом «*в снятом виде*» (критически переработанном) оказалось включено в состав новой теории на правах подчинённого момента, благодаря чему *научная революция*, совершённая Марксом в области политической экономики, обернулась не столько *формой разрыва /дискретности* в развитии теоретического знания, обрекающей познание всякий раз начинать с «чистого листа», а *формой преемственного развития* научной мысли.

Если теперь эти закономерности развития научно-теоретического знания преломить сквозь призму нашей проблемы, связанной с поставленной перед современной философией задачей обоснования труда как субстанции-субъекта исторического развития, или, что то же самое, – с задачей обоснования труда как всеобщей основы антропосоциокультурогенеза, то выводы, согласно рекомендациям Ф. Энгельса (и Маркса), должны быть сделаны примерно следующие.

1) Подобно тому, как Маркс, для того чтобы преодолеть внутренние противоречия теории стоимости Рикардо, подверг критике саму эту теорию, исследовав все установленные до него основные категории экономической науки, подобно этому задача современной философии предполагает следующее:

(а) необходимость осуществления критического исследования всех базовых категорий материалистического понимания истории, общества и культуры, получивших вполне определённую интерпретацию в постмарксовской философской мысли;

(б) необходимость критического анализа постмарксовской трудовой теории сознания, связывавшей происхождение сознания с *трудом как орудийной деятельностью* индивидов и благодаря этому всякий раз наталкивавшейся на неразрешимое противоречие между фактом *наличия готовой цели, предшествующей* процессу осуществления этой орудийной деятельности, и трудовой теорией



сознания, базирующейся на принципе порождения сознания трудом.

2) Подобно тому, как Маркс-экономист «...исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость», установив, «...какой труд, почему и как образует стоимость...» [6, с. 20]), подобно этому современная философия должна:

(а) исследовать труд со стороны его свойства создавать форму социальности как таковую (как объективно-целесообразную форму связи и зависимости индивидов друг от друга), прежде установив, какой труд, почему и как образует целесообразность как всеобщую форму всякой человеческой деятельности;

(б) дать себе отчёт в том, что для того чтобы знать, что такое сознание / сознательная цель (субъективная целесообразность), мы должны прежде выяснить, что такое целесообразность как таковая (как объективно-целесообразная форма).

### **Список литературы**

1. Туровский М. Б. Предыстория интеллекта. Избранные труды / М. Б. Туровский. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 575 с.
2. Рагозина, Т. Э. Концептуальные границы деятельностного подхода: критический анализ / Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27 апреля 2018 г. – Воронеж, 2018. – С. 48-57.
3. Гурьев, Д. В. Предшествовал ли труд сознанию/ Д. В. Гурьев // Вопросы философии. – М., 1967. - № 7.
4. Спиркин, А. Г. Труд / Философская энциклопедия // Ин-т философии АН СССР ; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. – Т. 5. С. 261-262.
5. Рагозина Т.Э. О философском обосновании труда, или: о необходимости критического «сведения счётов» с недавним философским прошлым / Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2019. – Выпуск № 2 (10). – С. 20-35.
6. Энгельс Ф. Предисловие ко II-му тому «Капитала» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 24. – С. 3-24 с.
7. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. В 3-х ч. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 26. Ч. III. – 674 с.
8. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. В 3-х ч. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 26. Ч. I. – 476 с.

**T. E. Ragozina**

(Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

*E-mail:* [tatyana.ragozina@list.ru](mailto:tatyana.ragozina@list.ru)

## **ONCE AGAIN ABOUT CONTRADICTIONS LABOR THEORY OF ANTHROPOSOCIOCULTURAL GENESIS**

**Annotation.** This article is devoted to the analysis of the causes of the crisis that developed in the Marxist philosophy of the Soviet period by the 80s of the twentieth century and manifested itself in the form of contradictions in the labor theory of the origin of man, society and culture. *The tendency of abandonment of labor as a basic philosophical principle of explaining socio-historical development, which has been outlined within the framework of philosophical thinking, has sharply put on the agenda the question of the actual content of the category "labor" in Marxism and the need for a philosophical justification of labor as a theoretical principle.*

**Key words:** *labor as a substance of historical development, "labor in general", economic justification of labor, philosophical justification of labor.*